

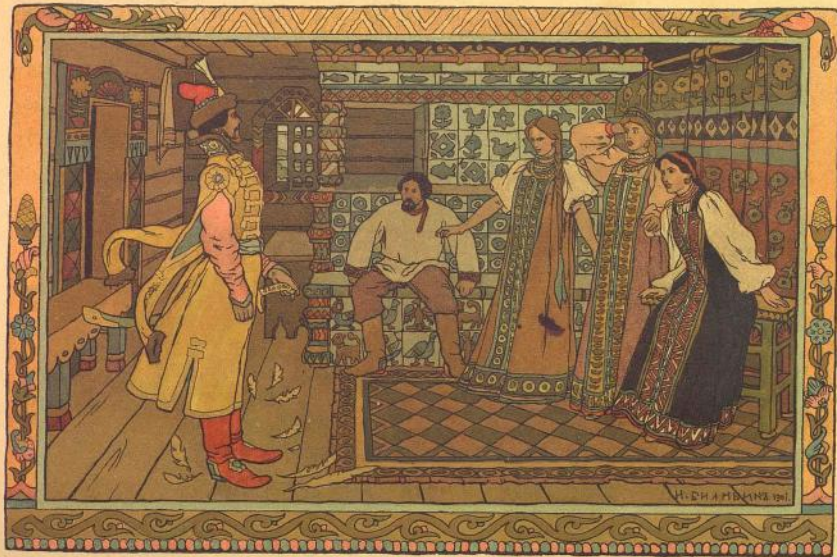

Марья Моревна

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Иванъ-царевичъ; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отецъ и мать у нихъ померли; умирая, они сыну наказывали: „Кто первой за твоихъ сестеръ станетъ свататься, за того и отдавай — при себѣ не удержи долго!“ Царевичъ похоронилъ родителей и съ горя пошелъ съ сестрами во зеленую садъ погулять. Вдругъ находить на небо туча черная, встаетъ гроза страшная. „Пойдемте, сестрицы, домой!“ говоритъ Иванъ-царевичъ. Только пришли во дворецъ, какъ грянулъ громъ, разодрался потолокъ и влетѣлъ къ нимъ въ горницу ясенъ соколъ; ударился соколъ объ полъ, сдѣлался добрымъ молодцемъ и говоритъ: „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я ходилъ гостемъ, а теперь пришелъ сватомъ: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать“. — „Коли любовь ты сестрицъ, я ея не унимаю — пусть съ Богомъ идетъ!“ Марья-царевна согласилась; соколъ женился и унесъ ее въ свое царство.

Дни идутъ за днями, часы бѣгутъ за часами — цѣлаго года какъ не было. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ двумя сестрами во зеленую садъ погулять. Опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніей. „Пойдемте, сестрицы, домой!“ говоритъ царевичъ. Только пришли во дворецъ, какъ ударилъ громъ, распался

крыша, раздвоился потолокъ и влетѣлъ орелъ; ударился орелъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ: „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ“. И поспатала Ольгу-царевну. Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: „Если ты любь Ольгѣ-царевнѣ, то пусть за тебя идетъ; я съ нею воли не снимаю“. Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замужъ; орелъ подхватилъ ее и унесъ въ свое царство.

Прошелъ еще одинъ годъ. Говоритъ Иванъ-царевичъ своей младшей сестрицѣ: „Пойдемъ, во зеленомъ саду погуляемъ!“ Погуляли немножко; опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніей. „Вернемся, сестрица, домой!“ Вернулись домой, не успѣли сѣсть, какъ ударилъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ воронъ; ударился воронъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ; прежніе были хороши собою, а этотъ еще лучше. „Ну, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ: отдай за меня Анну-царевну“. — „Я съ сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбилъ ей, пусть идетъ за тебя“. Вышла за ворона Анна-царевна, и унесъ онъ ее въ свое государство.

Остался Иванъ-царевичъ одинъ; цѣлый годъ жить безъ сестеръ, и сдѣлалось ему скучно. „Пойду“, говоритъ, „искать сестрицъ“. Собрался въ дорогу, шель-шель и видитъ — лежить въ полѣ рать-сила побитая. Спрашиваетъ Иванъ-

царевичъ: „Коли есть тутъ живъ человѣкъ—озовися! кто побилъ это войско великое?“ Отговаряся ему живъ человѣкъ: „Все это войско великое побѣла Марья Моревна, прекрасная королева“.

Пустился Иванъ-царевичъ дальше, наѣзжалъ на шатры бѣлые, выходила къ нему навстрѣчу Марья Моревна, прекрасная королева: „Здравствуй, царевичъ, куда тебя Богъ несетъ—по волѣ, аль по неволѣ?“ Отвѣчалъ ей Иванъ-царевичъ: „Добрые молодцы по неволѣ не ѣздить!“ „Ну, коли дѣло не къ спѣху, погости у меня въ шатрахъ“. Иванъ-царевичъ тому и радъ, двѣ ночи въ шатрахъ ночевалъ, полюбился Марья Моревнѣ и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его съ собой въ свое государство; пожили они вмѣстѣ сколько-то времени, и вздумалось королевнѣ на войну собираться; покидаетъ она на Ивана-царевича все хозяйство и приказываетъ: „Вездѣ ходи, за всѣмъ присматривай; только въ этотъ чужанъ не мочи заглядывать!“

Онъ не вытерпѣлъ: какъ только Марья Моревна уѣхала, тотчасъ бросился въ чужанъ, отворилъ дверь, глянулъ—а тамъ виситъ Кошей Безсмертной, на двѣнадцати цѣляхъ прикованъ. Проситъ Кошей у Ивана-царевича: „Сжался надо мной, дай мнѣ напитокъ! десять лѣтъ я здѣсь мучаюсь, не ѣлъ-не пилъ—совсѣмъ въ горлѣ пересохло!“ Царевичъ подаль ему цѣлое ведро воды; онъ выпилъ и еще запросилъ: „Мнѣ однимъ ведромъ не залить жажды: дай еще!“ Царевичъ подаль другое ведро; Кошей выпилъ и запросилъ третье, а какъ выпилъ третье ведро—взялъ свою прежнюю силу, тряхнулъ цѣлями и сразу всѣ двѣнадцать порвалъ. „Спасибо, Иванъ-царевичъ!“ сказалъ Кошей Безсмертной, „теперь тебѣ никогда не видать Марьи Моревны, какъ ушей своихъ!“ и страшнымъ вихремъ вылетѣлъ въ окно, нагналъ на дорогѣ Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватилъ ее и унесъ къ себѣ.

А Иванъ-царевичъ горько-горько заплакалъ, снарядился и пошелъ въ путь-дорогу: „Что ни будетъ, а разыщу Марью Моревну!“ Идетъ день, идетъ другой, на разсвѣтъ третьяго видитъ чудесной дворецъ, у дворца дубъ стоитъ, на дубу ясенъ соколъ сидитъ. Слетѣлъ соколъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „Ахъ, шуринъ мой любезной! какъ тебя Господь милуетъ?“ Выбѣжала Марья-царевна, встрѣла Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Погостилъ у нихъ царевичъ три дня и говорить: „Не могу у васъ гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву“.—„Трудно тебѣ сыскать ее“, отвѣчаетъ соколъ. „Оставь здѣсь на всякой случай свою серебряную ложку: будемъ на нее смотрѣть, про тебя вспоминать“. Иванъ-царевичъ оставилъ у сокола свою серебряную ложку и пошелъ въ дорогу.

Шелъ онъ день, шелъ другой, на разсвѣтъ третьяго видитъ дворецъ, еще лучше перваго, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу орелъ сидитъ. Слетѣлъ орелъ съ дерева, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „Вставай, Ольга-

царевна! милый наш братец идет". Ольга-царевна тотчас приближала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иванъ-царевич погостил у них три денька и говорит: „Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну“. Отвѣчает орелъ: „Трудно тебѣ сыскать ее. Оставь у насъ серебряную вилку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать“. Онъ оставилъ серебряную вилку и пошелъ въ дорогу.

День шель, другой шель, на развѣтъ третьяго видятъ дворецъ, лучше первыхъ двухъ, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу воронъ сидитъ. Слетѣлъ воронъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „Анна-царевна! поскорѣй выходи, нашъ братецъ идет“. Выбѣжала Анна-царевна, встрѣла его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иванъ-царевич погостил у них три денька и говоритъ: „Прощайте! пойду жену искать—Марью Моревну, прекрасную королевну“. Отвѣчает воронъ: „Трудно тебѣ сыскать ее; оставь-ка у насъ серебряную табакерку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать“. Царевич отдалъ ему серебряную табакерку, попрощался и пошелъ въ дорогу.

День шель, другой шель, а на третій добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милаго, бросилась къ нему на шею, залилась слезами и промолвила: „Ахъ, Иванъ-царевич! зачѣмъ ты меня не послушался — посмотрѣлъ въ чуланъ и выпустилъ Кошера Безсмертнаго?“ — „Прости, Марья Моревна! не поминай старика, лучше поѣдемъ со мной, пока не видать Кошера Безсмертнаго; авось не догонитъ!“ Собрались и уѣхали.

А Кошей на охотѣ былъ; къ вечеру онъ домой ворочается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. — „Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чувствуешь какую невзгоду?“ Отвѣчает конь: „Иванъ-царевич приходилъ, Марью Моревну увезъ“. — „А можно ли ихъ догнать?“ — „Можно пшеницы наѣсть, дождаться, пока она вырастетъ, сжать ее, смолотить, въ муку обратить, пять пелей хлѣба наготовить, тотъ хлѣбъ поѣсть да тогда въ догоню ѣхать — и то поспѣемъ!“

Кошей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: „Ну“, говоритъ, „первой разъ тебя прощаю за твою доброту, что водой меня наполни, и въ другой разъ прощу, а въ третій берегись — на куски изрублю!“ Оттялъ у него Марью Моревну и увезъ, а Иванъ-царевич сѣлъ на камень и заплакалъ.

Поплакалъ-поплакалъ и опять воротился назадъ за Марьей Моревною; Кошеръ Безсмертнаго дома не случилось. — „Поѣдемъ, Марья Моревна!“ — „Ахъ, Иванъ-царевич! онъ насъ догонитъ“. — „Пускай догонитъ; мы хоть часокъ-другой проведемъ вмѣстѣ“. Собрались и уѣхали.

Кошей Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. — „Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чувствуешь какую невзгоду?“ —

„Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собою взялъ.“ — „А можно ли догнать ихъ?“ — „Можно ячменю настьятъ, подождать, пока онъ вырастетъ, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выпасться да тогда въ догонь ѣхать — и то поспѣемъ!“

Кошей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: „Вѣдь я жъ говорилъ, что тебѣ не видать Марьи Моревны, какъ ушей своихъ!“ Стянулъ ее и увезъ къ себѣ.

Остался Иванъ-царевичъ одинъ, поплакать-поплакалъ и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кошей дома не случилось. „Поѣдемъ, Марья Моревна!“ — „Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь онъ догонитъ, тебя въ куски изрубитъ“. — „Пускай изрубитъ! я безъ тебя жить не могу“. Собрались и поѣхали.

Кошей Безсмертной домою возвращается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. „Что ты спотыкаешься? али чуешь какую невзгуду?“ — „Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собою взялъ“.

Кошей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича, изрубилъ его въ мелкіе куски и поклазъ въ смоленую бочку; взялъ эту бочку, скрѣпилъ желѣзными обручами и бросилъ въ синее море, а Марью Моревну къ себѣ увезъ.

Въ то самое время у зятявѣ Ивана-царевича серебро почернѣло. „Ахъ“, говорятъ они, „видио бѣда приключилася!“ Орелъ бросился на синее море, схватилъ и вытащилъ бочку на берегъ, соколъ полетѣлъ за живою водою, а воронъ за мертвою. Слетѣлись всѣ трое въ одно мѣсто, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склади, какъ надобно. Воронъ брызнулъ мертвою водою — тѣло срослось, соединилось; соколъ брызнулъ живою водою — Иванъ-царевичъ вздрогнулъ, всталъ и говоритъ: „Ахъ, какъ я долго спалъ!“ — „Еще бы дольше проспалъ, если бъ не мы!“ отвѣчали зятя; „пойдемъ теперь къ намъ въ гости“. — „Нѣтъ братцы! я пойду искать Марью Моревну“.

Приходитъ къ ней и проситъ: „Разузнай у Кошей Безсмертнаго, гдѣ онъ досталъ себѣ такого добраго коня?“ Вотъ Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кошей выпрашивать. Кошей сказалъ: „За тридевять земель, въ тридесѣть царствѣ, за огненной рѣкою живеть баба-яга; у ней есть такой кобылица, на которой она каждой день вокругъ свѣта облетаетъ. Много у ней и другихъ славныхъ кобылицъ; я у ней три дня пастухомъ былъ, ни одной кобылицы не упустилъ, и за то баба-яга дала мнѣ одного жеребеночка“. — „Какъ же ты черезъ огненную рѣку переправился?“ — „А у меня есть такой платокъ — какъ махну въ правую сторону три раза, сдѣлается высокой-высокой мостъ, и огонь его не достанетъ!“ Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платокъ унесла да ему отдала.

Иванъ-царевичъ переправился черезъ огненную рѣку и пошелъ къ бабѣ-ягѣ. Долго шелъ онъ, не пивши-не ѣвши. Попалась ему навстрѣчу заморская птица съ малыи дѣтками. Иванъ-царевичъ говоритъ: „Сѣмъ-ка я одного цыпленичка“. „Не ѣшь, Иванъ-царевичъ!“ проситъ заморская птица: „въ нѣкоторое время пригожусь тебѣ“.

Пошешь онъ дальше; видить въ лѣсу улей пчель. „Возьму-ка я“, говорить, „скольцо-нибудь медку“. Пчелиная матка отзывается: „Не тронь моего меда, Иванъ-царевичъ! въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь“.

Онъ не тронулъ и пошелъ дальше; попадаетъ ему навстрѣчу лъвица со львенкомъ. „Сѣмъ я хоть этого львенка: ѣсть такъ хочется, ажно тошно стало!“ „Не тронь, Иванъ-царевичъ!“ проситъ лъвица: „въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь“. — „Хорошо, пусть будетъ по-твоему!“

Побрелъ голодной, шель-шель — стоитъ домъ бабы-яги, кругомъ дома двѣ-надцать шестовъ, на одиннадцати шестахъ по человѣчьей головѣ, только одинъ незанятой. „Здравствуй, бабушка!“ — „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! почто пришелъ — по своей доброй волѣ, аль по нуждѣ?“ — „Пришелъ заслужить у тебя богатырскаго коня“. „Изволь, царевичъ! у меня вѣдь не годъ служить, а всего-то три дня: если упасешь моихъ кобылицъ — дамъ тебѣ богатырскаго коня, а если нѣтъ, то не гнѣвайся: торчать твоей головѣ на послѣднемъ шестѣ“. Иванъ-царевичъ согласился; баба-яга его накормила-напоила и велѣла за дѣло приниматься.

Только-что выгнать онъ кобылицъ въ поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугамъ разбѣжались; не успѣлъ царевичъ глазами вскинуть,

какъ онѣ совсѣмъ пропали. Тутъ онѣ заплакалъ-запечалился, сѣлъ на камень и заснулъ. Солинышко уже на закатѣ, прилетѣла заморская птица и будить его: „Вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы теперь дома“. Царевичъ всталъ, воротился домой, а баба-яга и шумить, и кричить на своихъ кобылицъ: „Зачѣмъ вы домой воротились?“—„Какъ же намъ было не воротиться? налетѣли птицы со всего свѣта, чуть намъ глазъ не выклевали“.—„Ну, вы завтра по лугамъ не бѣгайте, а разсыптесь по дремучимъ лѣсамъ“.

Переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро баба-яга ему говоритъ: „Смотри царевичъ! если не упасешь кобылицъ, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!“

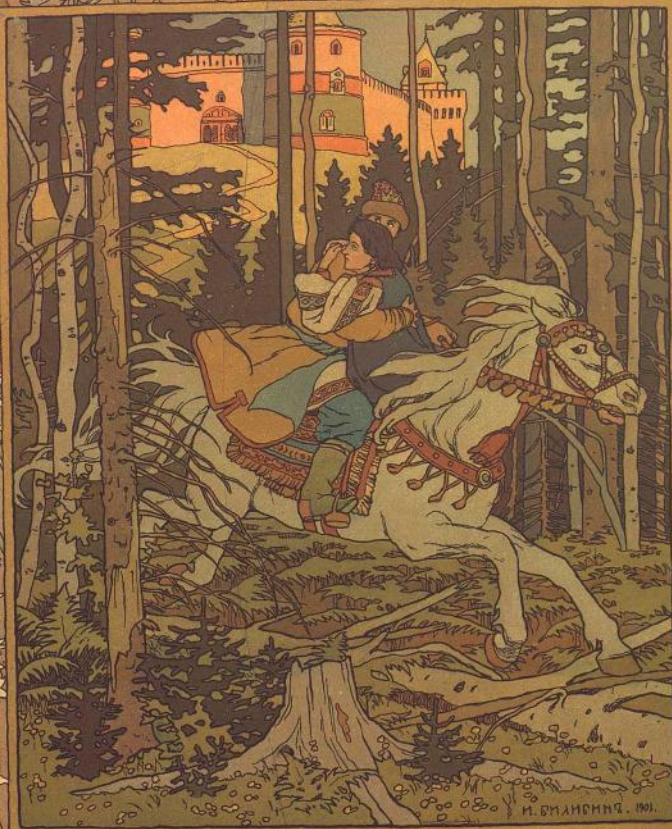
Погналъ онъ кобылицъ въ поле; тотчасъ задрали хвосты и разбѣжались по дремучимъ лѣсамъ. Опять сѣлъ царевичъ на камень, плакалъ-плакалъ да и уснулъ. Солинышко сѣло за лѣсъ; прибѣжала лъвица: „Вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы все собраны“. Иванъ-царевичъ всталъ и пошелъ домой; баба-яга куше прежняго и шумить, и кричить на своихъ кобылицъ: „Зачѣмъ домой воротились?“—„Какъ же намъ было не воротиться? набѣжали лютые звѣри со всего свѣта, чуть насъ совсѣмъ не разорвали“.—„Ну, вы завтра забѣгите въ сине море“.

Опять переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро посылаетъ его баба-яга кобылицъ пасти: „Если не упасешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!“

Онъ погналъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ задрали хвосты, скрылись съ глазъ и забѣжали въ сине море: стоятъ въ водѣ по шею. Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень, заплакалъ и уснулъ. Солинышко за лѣсъ сѣло, прилетѣла пчелка и говоритъ: „Вставай, царевичъ! кобылицы все собраны; да какъ воротились домой, баба-яга на глаза не показывайся, пойди въ конюшню и спрячься за яслями. Тамъ есть паршивой жеребенокъ — въ навозѣ валяется; ты украдь его и въ глухую полночь уходи изъ дому“. Иванъ-царевичъ всталъ, пробрался въ конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумить, и кричить на своихъ кобылицъ: „Зачѣмъ воротились?“—„Какъ же намъ было не воротиться? налетѣло пчелъ видимо-невидимо со всего свѣта — и давай насъ со всехъ сторонъ жалить до крови!“

Баба-яга заснула, а въ самую полночь Иванъ-царевичъ украсть у нея паршиваго жеребенка, осѣдлалъ его, сѣлъ и поскакалъ къ огненной рѣкѣ. Доѣхалъ до той рѣки, махнулъ три раза платкомъ въ правую сторону — и вдругъ, откуда ни взялся, повисъ черезъ рѣку высокой, славной мостъ. Царевичъ перешагнулъ по мосту и махнулъ платкомъ на лѣвую сторону только два раза — остался черезъ рѣку мостъ тоненькой-тоненькой.

Полутру пробудилась баба-яга — паршиваго жеребенка видѣтъ не видать; бросилась въ погоню: во весь духъ на желѣзной ступѣ ссачетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замаетъ. Прискакала къ огненной рѣкѣ, взгля-

нула и думает: „Хорошъ мостъ!“ Поѣхала по мосту, только добралась до середины—мостъ обломился, и баба-яга чубурахъ въ рѣку: тутъ ей и лютаѣ смерти приключилась!

Иванъ-царевичъ отгормилъ жеребенка въ зеленыхъ лугахъ; сталъ изъ него чудной конь. Призываетъ царевичъ къ Марѣ Моревитъ; она выбѣжала, бросилась къ нему на шею: „Какъ тебѣ Богъ воскресилъ?“—„Такъ и такъ“, говоритъ. „Поѣдемъ со мной“.—„Божь, Иванъ-царевичъ! если Кощей догонитъ, быть тебѣ опять изрублену“.—„Нѣтъ, не догонитъ! теперь у меня славной, богатырской конь, словно птица летитъ“. Съѣли они на коня и поѣхали.

Кощей Безсмертной домой ворочается, подъ нимъ конь спотыкается. „Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгуду?“—„Иванъ-царевичъ призжалъ, Марью Моревну увезъ“.—„А можно ли ихъ догнать?“—„Богъ знаетъ! теперь у Ивана-царевича конь богатырской, лучше меня“.—„Нѣтъ, не утерплю!“ говоритъ Кощей Безсмертной, „поѣду въ погоню“.

Долго ли, коротко ли—нагналъ онъ Ивана-царевича, соскоцилъ наземь и хотѣлъ было съечь его острой саблею; въ тѣ поры конь Ивана-царевича ударилъ со всего размаху копытомъ Кощея Безсмертнаго и размозилъ ему голову, а царевичъ доконалъ его палицей. Послѣ того наклали царевичъ груду дровъ,

развелъ огонь, спалилъ Кощея Безсмертнаго на костръ, и самой пепель его пустилъ по вѣтру.

Марья Моревна съѣла на Кощеева коня, а Иванъ-царевичъ на своего, и поѣхали они въ гости сперва къ ворону, потомъ къ орлу, а тамъ и къ соколу. Куда ни прѣдутъ, всюду встрѣчаютъ ихъ съ радостью: „Ахъ, Иванъ-царевичъ! а ужъ мы не чаяли тебя видѣть. Ну, да не даромъ же ты хлопоталъ: такой красавицы, какъ Марья Моревна, во всемъ свѣтѣ поискать—другой не найти!“¹⁴ Погостили они, попиrowали и поѣхали въ свое царство; прѣхали и стали себѣ жить-поживать, добра наживать да медокъ попивать.

